

УДК 347.133.8

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ФИДУЦИАРНЫХ СДЕЛОК

Корнев Н.С.¹

студент Института истории и права

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Калуга, Россия

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию правовой природы фидуциарных сделок как одной из наиболее дискуссионных категорий в современной цивилистике. Прослеживается эволюция института от римской фидуции до его современных форм, подробно анализируются два основных доктринальных подхода к пониманию сущности таких сделок: лично-доверительный и формально-юридический, основанный на несовпадении внешней формы и внутреннего содержания правоотношения. Особое внимание уделяется проблеме отсутствия единых критериев фидуциарности, что порождает противоречия при квалификации договоров поручения, простого товарищества и доверительного управления имуществом. На основе анализа правоприменительной практики и норм Гражданского кодекса Российской Федерации критически оценивается тезис о фидуциарном характере договора доверительного управления, а в качестве ключевого системообразующего признака рассматривается право на немотивированный односторонний отказ от сделки без возмещения убытков. В заключение делается вывод о назревшей необходимости легализации четких критериев фидуциарности для устранения произвольного и противоречивого применения этой категории в судебной практике.

Ключевые слова: фидуциарная сделка, правовая природа, доверительные

¹ *Научный руководитель – Александров А.Ю. к.ю.н., доцент кафедры юриспруденции*

отношения, имущественный интерес, чужой интерес, личное исполнение обязательства.

THE LEGAL NATURE OF FIDUCIARY TRANSACTIONS

Kornev N.S.

Student, Institute of History and Law

K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University

Kaluga, Russia

Abstract

The article is devoted to a comprehensive study of the legal nature of fiduciary transactions as one of the most controversial categories in modern civil law. The evolution of the institution from Roman fiduciary to its modern forms is traced, and two main doctrinal approaches to understanding the essence of such transactions are analyzed in detail: personal-confidential and formal-legal, based on the discrepancy between the external form and the internal content of the legal relationship. Particular attention is paid to the problem of the lack of uniform criteria of fiduciary responsibility, which creates contradictions in the qualification of contracts of assignment, simple partnership and trust management of property. Based on the analysis of law enforcement practice and the norms of the Civil Code of the Russian Federation, the thesis of the fiduciary nature of the trust management agreement is critically evaluated, and the right to an unmotivated unilateral waiver of the transaction without compensation for losses is considered as a key system-forming feature. In conclusion, it is concluded that there is an urgent need to legalize clear criteria of fiduciary responsibility in order to eliminate the arbitrary and contradictory application of this category in judicial practice.

Keywords: fiduciary transaction, legal nature, trust relations, property interest, other people's interest, personal fulfillment of obligations.

Исследование правовой природы фидуциарных сделок представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных проблем в современной цивилистике. Термин «фидуция» (от лат. «fiducia» – доверие) уходит корнями в римское частное право, где он обозначал пакт, присоединявшийся к торжественному обряду «mancipatio» или «in jure cession» и предполагавший передачу наиболее полного права, не подлежащего отмене. Исторические корни данного института обусловили его сложную эволюцию: как отмечает О.С. Петров, римская фидуция подразделялась на «fiducia cum creditore» (вещное обеспечение исполнения обязательства, при котором должник передавал имущество в собственность кредитору с условием его возврата после уплаты долга) и «fiducia cum amico» (отношения по хранению, займу или дарению), которые впоследствии уступили место ипотеке и договору хранения соответственно, однако сама идея доверительной передачи права не ушла в забвение, а продолжила эволюционировать, принимая все новые формы [11, 1].

В российской цивилистической доктрине сложилось несколько взглядов на сущность фидуциарных сделок. Одна из фундаментальных позиций, сформулированная В.А. Дозорцевым, определяет их как сделки, носящие лично-доверительный характер, что выражается в праве каждой из сторон при утрате доверия к контрагенту отказаться от исполнения обязательства без возмещения убытков другой стороне [11, 1]. Данный подход акцентирует внимание на особой роли субъективного фактора – внутреннего доверия, которое, по мнению А.Э. Колиевой и Л.Ф. Бицовой, побуждает сторону заключить сделку и, соответственно, должно исследоваться с позиции его влияния на участников правоотношений [10, 151]. Действительно, в отличие от большинства гражданско-правовых сделок, где законодатель регламентирует лишь порядок волеизъявления (направление оферты и ее акцепт), оставляя процесс формирования воли вне рамок правового регулирования, в фидуциарных сделках именно внутренние, субъективные факторы, повлиявшие на формирование воли, приобретают юридическое значение [10, 152].

Иной, более формализованный взгляд на природу фидуциарных сделок представлен в немецкой правовой доктрине и поддержан дореволюционными отечественными авторами, в частности Н.Л. Дювернуа и Ю.С. Гамбаровым. Согласно этому подходу, фидуциарная сделка предполагает передачу одним лицом (фидуциантом) другому (фидуциару) для достижения определенной цели более полного права, чем это необходимо и достаточно для ее достижения [11, 1-2]. Следовательно, ключевым признаком такой сделки становится несовпадение между внешними и внутренними отношениями: для всех третьих лиц фидуциар является абсолютным и полноправным обладателем права, однако внутри отношений с фидуциантом он связан обязательством осуществлять это право в пределах и для цели, определенных фидуциантом. Как следствие, фидуциант, передав право, сохраняет лишь обязательственное право требования к фидуциару. А.Э. Колиева также приходит к выводу, что модели фидуциарных правоотношений как в континентальной, так и в англо-саксонской правовых системах удовлетворяют главному признаку – несовпадению между внешней формой и действительным экономическим содержанием [9, 54].

Однако насколько однородна эта конструкция в российском гражданском праве и можно ли все поименованные в законе «доверительные» отношения однозначно относить к фидуциарным? В цивилистике отсутствует единство мнений и относительно структурных элементов таких правоотношений. А.Э. Колиева и Л.Ф. Бицоева выделяют имущественный интерес, предполагаемые полномочия, ограничения осуществления субъективного права обязательствами доброй совести, а также фидуциарные обязанности. При этом под имущественным интересом предлагается понимать предпосылку или основу субъективного права и возможность удовлетворения с его помощью требований, основанных на обязательствах доброй совести, преимущественно или исключительно в чужом интересе (фидуцианта или выгодоприобретателя). Однако тут же возникает коллизия: поскольку фидуциарные сделки не всегда являются возмездными, вести речь о доверии как об имущественном интересе,

всегда преследуемом доверителем, представляется, по мнению авторов, не совсем корректным [10, 151-152].

Практическое применение этих теоретических конструкций сталкивается с серьезными трудностями, что наглядно демонстрирует анализ действующего законодательства и судебной практики. Д.Х. Бит-Мурат, анализируя особенности фидуциарных сделок, выделяет такие их признаки, как доверительный характер, длящийся характер отношений и высокую степень персонализации, предполагающую личное исполнение обязательств [3, 4-5]. Действующий Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) действительно содержит ряд норм, отражающих эти признаки. Так, ст. 977 ГК РФ устанавливает, что договор поручения прекращается вследствие смерти доверителя или поверенного, признания кого-либо из них недееспособным, ограниченно дееспособным или безвестно отсутствующим, что подчеркивает недопустимость правопреемства в этой фидуциарной сделке [6]. Данное положение нашло отражение в правоприменительной практике. Например, Апелляционным определением Московского городского суда от 24.11.2014 № 33-34881/14 было отменено решение районного суда и отказано в иске о признании права собственности на квартиру, поскольку со смертью поверенного договор поручения прекращается как не допускающая правопреемства фидуциарная сделка, о чем доверитель может не знать и рассчитывать на исполнение поручения [2]. Аналогичный лично-доверительный характер проявляется и в договоре простого товарищества: утрата доверия одного товарища к другому признается уважительной причиной для расторжения договора, что подтверждается Постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.05.2018 № 15 АП-4516/18 [12].

Тем не менее, сам факт закрепления в законе требования «личного исполнения» или возможности одностороннего отказа от договора не всегда свидетельствует о подлинно фидуциарной природе отношений. Здесь мы подходим к центральной проблеме, поднимаемой в современной литературе: к

вопросу о критериях фидуциарности. Г.С. Джумагазиева и Т.С. Датцкая, исследуя юридическую природу договора доверительного управления имуществом, ставят под сомнение его фидуциарный характер [7, 183]. Законодатель, закрепляя в ст. 1021 ГК РФ обязанность доверительного управляющего лично осуществлять управление, одновременно допускает возможность передоверия, что, по мнению авторов, не согласуется с сущностью лично-доверительных отношений. Р.С. Евдокимова и В.Н. Штапова также указывают на необходимость разграничивать фактическое доверие сторон и лично-доверительный характер правоотношения, который находит отражение в правовом регулировании; требование же личного исполнения обязанности без возможности делегирования, по их мнению, не исчерпывает характеристику лично-доверительных правоотношений [8, 22].

Таким образом, одного лишь названия договора («доверительное управление») и даже наличия норм о личном исполнении недостаточно для констатации его фидуциарности, если отсутствует ключевой признак – возможность немотивированного одностороннего отказа от договора без возмещения убытков. На этом основании делается вывод, что договор доверительного управления не является фидуциарной сделкой в чистом виде, а представляет собой обязательство, возникающее между равными и имущественно самостоятельными субъектами.

Эту линию рассуждений продолжают и развивают А.А. Гончарь и Е.В. Ахтямова. Они обращают внимание на отсутствие единых критериев фидуциарности и, как следствие, на крайнюю неопределенность в квалификации конкретных договоров. Авторы приводят примеры, когда договор простого товарищества последовательно признается судами фидуциарным, а договор поручительства, напротив, не относится к таковым, причем критерии отнесения либо неотнесения остаются неясными. Это порождает ситуацию, при которой суды могут признать лично-доверительными отношения по любым договорам с особым субъектным составом, например, в силу сложившихся семейных связей.

Помимо этого, неопределенность усугубляется широким и не всегда корректным употреблением термина «фидуциарный» применительно к совершенно разным правовым явлениям: от фидуциарного депозита в банковской практике (где «доверие» носит формальный характер) до фидуциарных обязанностей в корпоративном праве [5, 3].

В.В. Агламазова также трактует фидуциарные обязанности достаточно широко, понимая под ними основанные на доверии правовые или этические отношения, возникающие в связи с управлением деньгами или имуществом, и отмечая, что они не относимы к какой-либо одной отрасли права [1, 24-25]. Ж.Н. Бородина дополняет картину, рассматривая применение фидуциарных сделок в гражданском обороте и указывая, что они могут заключаться только между гражданами, а в зависимости от объема финансовых вложений среди них различают мелкие бытовые и крупные сделки. Примечательно, что в отношении мелких бытовых сделок (например, покупка продуктов или предметов одежды) отсутствует легальное определение и разъяснения высших судебных органов, а их размер, как отмечает автор, должен соотноситься с возрастом ребенка и особенностями его развития [4, 123-124]. Что касается крупных сделок, Ж.Н. Бородина анализирует их через призму корпоративных отношений, подчеркивая особый порядок их одобрения советом директоров или общим собранием акционеров, и отмечает, что по умолчанию всякая сделка считается совершенной в рамках обычной хозяйственной деятельности, пока не доказано обратное [4, 125-126].

Таким образом, в российской доктрине и законодательстве отсутствует единое легальное определение фидуциарной сделки, а сам термин «фидуциарность» остается выработанным исключительно правовой наукой понятием, что порождает многообразие подходов к его толкованию. Можно выделить два основных доктринальных направления: одно акцентирует внимание на внутреннем, лично-доверительном характере отношений, другое – на внешнем несовпадении переданного правового титула и ограниченной цели

его использования. Анализ действующего законодательства в совокупности с судебной практикой показывает, что наличие даже таких признаков, как личное исполнение или прекращение договора смертью стороны, не является безусловным и достаточным критерием для отнесения сделки к фидуциарным. Ключевым и системообразующим признаком следует считать особое правовое последствие утраты доверия – право на немотивированный односторонний отказ от сделки без возмещения контрагенту убытков. Отсутствие же четких законодательных критериев фидуциарности, как справедливо отмечается в литературе, ведет к размыванию понятия и произвольному, порой противоречивому применению этой категории в судебной практике.

Библиографический список:

1. Агламазова В.В. Концепция фидуциарных правоотношений и возможность ее применения в корпоративном праве России // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». – 2012. – № 1. – С. 23-29.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 24 ноября 2014 г. № 33-34881/14 // Информационно-правовой портал Гарант.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/132552673/> (дата обращения: 07.05.2026).
3. Бит-Мурат Д.Х. К вопросу об особенностях фидуциарных сделок в российском гражданском праве / Д. Х. Бит-Мурат // Современное российское право. – 2020. – № 3(12). – С. 4-6.
4. Бородина Ж.Н. Применение фидуциарных сделок в гражданском обороте / Ж. Н. Бородина // Международное и отечественное право : сборник научных статей по итогам VII Севастопольского юридического форума. – Севастополь, 2025. – С. 122-126.
5. Гончарь А.А., Ахтямова Е.В. К вопросу о фидуциарности отдельных

договоров в гражданском праве // Вестник науки и образования. – 2025. – № 12 (167)-1. – С. 1-4.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 дек. 1995 г.: ввод. Федер. законом от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 29.01.1996. – № 5. – ст. 410.

7. Джумагазиева Г.С. Договор доверительного управления имуществом: юридическая природа, специфика и его отличие от смежных гражданско-правовых договоров / Г. С. Джумагазиева, Т. С. Датцкая // Власть Закона. – 2024. – № 2(58). – С. 182-191.

8. Евдокимова Р.С. Правовая природа договора доверительного управления имуществом / Р. С. Евдокимова, В. Н. Штапова // Актуальные вопросы российского права : сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза, 2023. – С. 22-24.

9. Колиева А.Э. Об опыте развития фидуциарных правоотношений // Юридические исследования. – 2015. – № 12. – С. 52-71.

10. Колиева А.Э. Структура фидуциарных правоотношений в гражданском праве / А. Э. Колиева, Л. Ф. Бицоева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 4-7(46). – С. 151-153.

11. Петров О.С. Концепция фидуции: историческое развитие и практическое применение / О.С. Петров // Правотворчество и правоприменение в современном обществе: материалы междунар. науч. конф. студентов и аспирантов. – Минск, 2009. – С. 1-2.

12. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.05.2018 № 15АП-4516/2018 по делу № А32-40910/2017 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=149966#56g7EJVCnu1PWZV9> (дата обращения: 07.05.2026).